

УДК 81.367.633 ББК 80/81

ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ АГЕНСА И ПРИЧИНЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Калюга

Университет Маккуори, г. Сидней, Австралия

В предлагаемой статье рассматривается выражение семантических ролей агенса и причины с помощью различных падежей и предлогов, которые в пространственном значении обозначают источник, откуда начинается движение, или траекторию/путь движения. Показано, что эти падежи и предлоги развили агентивное и причинное значение на основании конкурирующих метафор АГЕНС – ИСТОЧНИК и АГЕНС – ПУТЬ, а также ПРИЧИНА – ИСТОЧНИК и ПРИЧИНА – ПУТЬ.

***Ключевые слова:** агенс; причина; синонимичные конструкции; концептуальные метафоры; русский язык.*

В последнее время возрастает интерес к анализу семантической деривации и регулярных семантических переходов с точки зрения когнитивного подхода [10]. В рамках когнитивного подхода и, в частности, теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [15], семантическая деривация рассматривается как процесс образования производных значений, одним из наиболее продуктивных типов которого является метафорический перенос. Сущность метафорического переноса заключается в понимании и представлении одного, более абстрактного, понятия через другое, более конкретное и доступное эмпирическому наблюдению [16: 68-76]. По мнению исследователей-когнитивистов многие производные (более абстрактные) значения падежей и предлогов развились из пространственных (конкретных) значений путем метафорического переноса. Например, по утверждению С. Лурагхи [17: 100], одной из концептуальных метафор, в терминах которой в древнегреческом языке могла осмысливаться такая семантическая роль, как агенс, была АГЕНС – ИСТОЧНИК. На основании этой метафоры предложно-падежная конструкция *арò* + родительный, имеющая пространственное значение, близкое русскому *от* + родительный, развила значение агенса.

Данная статья также посвящена изучению регулярных семантических переходов, а именно анализу образования агентивного и причинного значения у падежей и предлогов на основании конкурирующих метафор АГЕНС – ИСТОЧНИК и АГЕНС – ПУТЬ, а также ПРИЧИНА – ИСТОЧНИК и ПРИЧИНА – ПУТЬ. Материалом для анализа послужили тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка [9].

Как отмечает Дж. Тейлор, некоторые модели семантических переходов являются типичными только для отдельных конструкций, в то время как другие типичны для целого ряда конструкций [18: 152]. Метафора АГЕНС – ИСТОЧНИК может генерировать регулярные семантические переходы и довольно распространена в индоевропейских языках. её можно найти, например,

в латинском, в некоторых романских и германских языках, включая современный немецкий, в славянских языках, а также в современном греческом языке [17: 100]. Согласно этой метафоре, АГЕНС, являясь активным участником ситуации, производителем действия, концептуализируется как ИСТОЧНИК (место, откуда начинается движение). В русском языке *источник* может обозначаться предложно-падежными конструкциями *из* + родительный (1а), *из-за* + родительный (1б), *из-под* + родительный (1в), *от* + родительный (1г), *с* + родительный (1д):

- (1) а. *Ирина вышла из комнаты* (В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002);
б. *Я еле успела к нему выскочить из-за шкафа* (А. Геласимов. Чужая бабушка, 2001);
в. *Суп, шипя, лез из-под крышки* (О. Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // «Даша», 2004);
г. *Разговаривая, они отошли от витрины* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 1978);
д. *Через час к пароходу пришла с берега шлюпка с английским флагом* (Б. С. Житков. «Мария» и «Мэри», 1924).

Из перечисленных конструкций *от (отъ)* + родительный употреблялась для обозначения агенса в древне- и среднерусском языках под влиянием старославянского языка (2а,б):

- (2) а. *Тое же зимы поставлен бысть дьякономъ и попомъ въ Тфери от епископа Федора* (Новгородская Карамзинская летопись, 1400-1450);
б. *И я топере живу въ Китайскомъ царствѣ за карауломъ: обуть и одѣть отъ царя* [13: 177].

От + родительный использовалась для обозначения агенса до начала XIX в. (3а,б):

- (3) а. *Прадед князь Михаилъ, стольник князь Лев Михайлович по прозвищу Орел, убит от поляков на войне и схоронен в Боровске в Пафнутиевом монастыре* (М. Н. Волконский. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского, 1752);
б. *Противъ чего и въ Гагъ встѣмъ иностраннымъ Министрамъ отъ Царскихъ Пословъ протестовано было* (И. Голиков. Историческое изображение жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женева, Франца Яковлевича Лефорта, 1800).

Как утверждается в монографии «Творительный падеж в славянских языках», в XIX в. эта конструкция воспринимается «как чужая и искусственная», и в современном русском литературном языке творительный падеж является единственным средством выражения агенса в страдательной конструкции [2: 137]. Это утверждение не совсем верно. Например, в ситуации процесса передачи информации предложно-падежная конструкция *от* + родительный имеет агентивный оттенок значения и обозначает активного участника ситуации (4а), в отличие от, например, *у* + родительный, которая обозначает пассивного участника ситуации (4б):

- (4) а. *Я ведь регулярно получал сообщения от некоего доброжелателя* (Д. Быков. Орфография, 2002);
б. *Я спросил у этого человека, продолжает ли проводник у них работать* (Ф. Искандер. Случай в горах, 1980-1990).

Наряду с *от (отъ)* + родительный, в этом значении в древне- и средне-русском языках очень широко, «во всяком случае отнюдь не уже, чем родительный с предлогом *от*», использовался творительный падеж без предлога [2: 133] (5а,б):

- (5) а. *[д]а иже богомъ похваленъ есть, то въскоую члѣвчъскы чьсти ищещи* (Пчела);
б. *И умолена быста царемъ; и послаше я в Словенскую землю к Ростиславу, и Святополку, и Кочьлови* (Новгородская Карамзинская летопись, 1400-1450).

Основное пространственное значение творительного беспредложного – значение траектории или пути движения [5: 230–231; 8: 126; 11: 92; 12: 450; 13: 79] (6):

- (6) *Я всё думаю, – между прочим сказал Василий Степанович, когда они уже шли полем* (В. Дудинцев. Белые одежды, 1987).

Таким образом, в древне- и среднерусском языках агенс мог осмысливаться в терминах двух конкурирующих концептуальных метафор: АГЕНС – ИСТОЧНИК и АГЕНС – ПУТЬ. На основании метафоры АГЕНС – ПУТЬ другая предложно-падежная конструкция *через* + винительный, которая в пространственном значении обозначала путь (7а), могла употребляться и для обозначения агенса в XVIII в. [7: 86] (7б):

- (7) а. ... *Случилось ему идти чрез поле, где женщины жнут рожь не серпами, а зубами отгрызают солому* (Сказка о старушке и её сыне, 1794-1795);
б. *Три оды парафрастические псалма, сочиненные чрез трех стихотворцев ...* (СПб., 1744).

Ломоносов считал, что использование для обозначения агенса конструкции *через* + винительный – это «со французского языка принужденное употребление» [6: 7, 562). На то же указывал Ф. И. Буслаев, отмечая, что «В XVIII в. некоторые писатели употребляли в этом случае, по свойству чужих языков, предлог *через*» [4: 159]. *Через* + винительный является калькой, и, скорее всего, употребление подобной конструкции в другом языке развилось под влиянием этой же метафоры АГЕНС – ПУТЬ. Конструкция *через* + винительный в агентивном значении не прижилась в русском языке, но активно используется для обозначения схожей семантической роли посредника – лица, через которое кто-то другой осуществляет действие (8):

- (8) *Когда после окончания школы хотела поступить на медицинский факультет, Пикассо сообщил через секретаря, что у него нет возможности оплачивать*

мою учебу... (Е. Хабаров. Замужем за Пикассо // «Совершенно секретно», 2003.04.08).

Так же, как и агенс, причина может пониматься в терминах различных концептуальных метафор, включая ПРИЧИНА – ПУТЬ и ПРИЧИНА – ИСТОЧНИК. Эти метафоры встречаются в разных индоевропейских языках. Например, С. Лурагхи анализировала семантические переходы, основанные на метафорах ПРИЧИНА – ПУТЬ и ПРИЧИНА – ИСТОЧНИК, на материале древнегреческого языка. Как отмечала С. Лурагхи [17: 323-324], в случае с семантическим переходом путь→причина, мы, возможно, имеем дело с двухэтапным переходом: путь→агенс→причина. Из пространственного значения могло развиваться агентивное значение. Затем, поскольку обе семантические роли, агенса и причины, предполагают активного участника ситуации, мог произойти переход агенс→причина [там же].

Метафора ПРИЧИНА – ПУТЬ или ПРИЧИНА – [АГЕНС] – ПУТЬ не является продуктивной в современном русском языке, однако на разных этапах развития языка творительный беспредложный, *через* + винительный и *по* + дательный, которые в пространственном значении обозначают путь, имели причинное значение. Например, предложно-падежная конструкция *по* + дательный продолжает обозначать как путь (9а), так и причину (9б,в) в современном русском языке (9б,в):

(9) а. *Даже если он будет пешком ходить по полю, всё равно команда будет играть лучше, чем без него* (И. Порошин. В. Радимов: «Если бы не «Крылья», я бы закончил с футболом» // «Известия», 2001.08.02);

б. *Портфель с конспектами и книгами будто по рассеянности забыт в шкафу, закуска – краюшка хлеба и огурец – в кармане* (А. Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997);

в. *Так, по ошибке родился, по ошибке жил – всё по ошибке* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).

Конструкция *через* + винительный сохранила причинное значение только до XIX в. (10):

(10) *Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью...*
(А. П. Чехов. Иванов, 1887).

Беспредложный творительный также употреблялся в причинном значении до XIX в. (11):

(11) *И ты, батька, если будешь фанатиком, будешь мне противен, и посажу я тебя на такую ругу, чтобы тебе только не околеть голодом с попадейкой твоей и детишками* (А. В. Амфитеатров. Княжна, 1889-1895).

В современном русском языке творительный беспредложный используется для обозначения близкой к причине семантической роли стимула физических и эмоциональных состояний. Например, сохранилось его сочетание с та-

кими глаголами физического состояния, как, например, *болеть, маяться, мучиться* и *страдать* (12а-г):

- (12) а. *Вы либо сумасшедший, либо болеете неизвестной человечеству болезнью! – бросил я ему в лицо* (Е. Велтистов. Ноктюрн пустоты, 1978-1979);
б. *Он и в самом деле маялся подагрой, однако и её сумел использовать* (А. Шубин. Путь к благополучию, 2000);
в. *Это уже сейчас Дейнека мучился неуютной галлюцинацией, будто «все было нарочно подстроено»...* (Д. Симонова. Первый, 2002);
г. ... *мучился и страдал тоской и неудовлетворённостью, даже не догадываясь, в какой дыре они гнездились* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000).

Многие слова эмоционального состояния также сочетаются со словами в творительном падеже, обозначающими стимул. Модели управления этих слов можно легко объяснить через метафору, если эти слова сохранили управление, отражающее их этимологию. Например, этимология слов *восхищать* и *восторгать* проясняет связь между агенсом и стимулом сильной эмоции. *Восхищать* является родственным *похищать*, а также *хыщати* «хватать, похищать», заимствованному из церковнославянского, а *восторгать* восходит к *търгати* «дергать, рвать» [14: 240, 83]. Стимул восхищения или восторга метафорически понимается как нечто, чему нелегко противостоять, что захватывает человека. Отсюда и употребление творительного падежа и для обозначения агенса страдательной конструкции (13а,в) и стимула (13б,г):

- (13) а. *похищаться кем-то;*
б. *восхищаться кем-то;*
в. *отторгаться кем-то;*
г. *восторгаться кем-то.*

Этимология может объяснить и валентные особенности глаголов *поражаться* / *поразиться*. Данное эмоциональное состояние метафорически понималось как *быть сраженным*. Возможно, поэтому в древнерусском языке этот глагол употреблялся с творительным падежом (14):

- (14) ... *Поражатися моимъ недостаткомъ ...* [3: 108].

В дальнейшем, под влиянием управления глагола со схожим значением, *удивляться*, глагол *поражаться* стал употребляться с дательным падежом (15а), хотя еще в XIX веке мог управлять творительным падежом (15б):

- (15) а. *Он поражался её памяти* (Ю. Трифонов. Обмен, 1969);
б. *Он смотрелся в зеркало и сам поражался переменной в себе* (И. А. Гончаров. Обрыв, 1869).

С течением времени изначальная метафорическая концептуализация эмоций стирается, и валентные свойства лексем эмоций могут измениться. Как пишет Ю. Д. Апресян, «всякий нормализованный язык стремится использовать

свои синтаксические средства последовательно и единообразно, и поэтому в тех случаях, когда соответствие между семантическими и синтаксическими признаками отсутствует, язык пытается обрести его, перестраивая по аналогии синтаксические свойства тех слов, которые имеют сходное значение» [1: 545]. Поэтому в современном русском языке при возвратных глаголах восхищения стимул обычно обозначается творительным падежом (13б,г), а при глаголах удивления – дательным (16а,б):

- (16) а. *Она ничуть не удивилась моему приходу – во всяком случае, виду не подала* (В. Белоусова. Второй выстрел, 2000);
б. *Краем глаза косясь на соперницу, Лидия еще раз изумилась своему с ней сходству ...* (О. Некрасова. Платит последний, 2000).

Распространенной метафорой причины в русском языке является метафора ПРИЧИНА – ИСТОЧНИК. Модель семантических переходов, основанная на метафоре ПРИЧИНА – ИСТОЧНИК, типична для целого ряда предложно-падежных конструкций русского языка. *Из* + родительный, *из-за* + родительный, *от* + родительный и *с* + родительный, которые в пространственном значении обозначают источник (1а-д), развили причинное значение (17а-г):

- (17) а. *А Энлиль из любви к ней стал ныряльщиком. И проводил дни и ночи в лимбо с её анимаграммой* (В. Пелевин. Бэтман Аполло, 2013);
б. *Из-за нехватки денежных средств, помещений и квалифицированных судей реформа затягивалась* (А. Афанасьев. Суд присяжных в России // «Отечественные записки», 2003);
в. *Мёрзнуть от холода, недоедать – разве ради этого ушли они в плавание?* (О. Тихомиров. Подвиг Магеллана // «Мурзилка», 2002);
г. *Кудри Орли зашевелились, будто поёжились с мороза.* (А. Иванов. Комьюнити 2012).

Итак, в данной статье рассматривались следующие модели семантических переходов:

- источник→агенса (*от* + родительный)
источник→причина (*из* + родительный, *из-за* + родительный, *от* + родительный, *с* + родительный)
путь→агенса (творительный беспредложный, *через* + винительный)
путь→причина (творительный беспредложный, *через* + винительный, *по* + дательный)

Эти переходы развились на основании двух групп конкурирующих концептуальных метафор, АГЕНС – ИСТОЧНИК и АГЕНС – ПУТЬ, а также ПРИЧИНА – ИСТОЧНИК и ПРИЧИНА – ПУТЬ. Большинство данных переходов характерны для разных падежей и предлогов. Кроме того, семантические переходы, основанные на этих метафорах, характерны не только для русского языка, поэтому даже некоторые заимствованные конструкции, пришедшие в

русский язык, развились в языке-источнике на основании схожих концептуальных метафор.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
2. Бернштейн С. Я. (ред.) Творительный падеж в славянских языках. М.: из-во АН СССР, 1958. 380 с.
3. Богатова Г. А. (ред.) Словарь русского языка XI- XVII веков, том 17. М.: Наука, 1991. 814 с.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 624 с.
5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
6. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, Труды по филологии 1739-1758 гг. М.-Л.: из-во АН СССР, 1952. 993 с.
7. Михайлов Н. Творительный падеж в русском языке XVIII века: PhD dissertation. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia 47, 2012. 296 с.
8. Мразек Р. Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование). Прага, 1964. 285 с.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.01.2020).
10. Пархоменко Т. Н. К вопросу о семантической деривации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-4 (52). С. 87 – 90.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914. 452 с.
12. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., 1958. 536 с.
13. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
14. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 1.02.2020).
15. Lakoff G. and Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 с.
16. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. what categories can reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 с.
17. Luraghi S. On the Meaning of Prepositions and Cases. Amsterdam and Philadelphia: J. Benjamins, 2003. 363 с.
18. Taylor J. Prepositions: patterns of polysemization and strategies of dis-ambiguation // Zelinsky-Wibbelt, C. (ed.) The semantics of prepositions: from mental processing to natural language processing, Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 1993. С. 151-175.

VALENCY OF AN AGENT AND CAUSE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

M. Kalyuga

Macquarie University, Sydney, Australia

The proposed article examines the semantic roles of an Agent and a Cause when expressed through various cases and prepositions that can also denote a Source of movement and a Path of movement in their spatial meanings. It is shown that these cases and prepositions obtained the meanings of an Agent and Cause on the basis of

the competing metaphors AN AGENT IS A SOURCE and AN AGENT IS A PATH, as well as A CAUSE IS A SOURCE and A CAUSE IS A PATH.

Keywords: *cause; synonymous constructions; conceptual metaphors; Russian.*

Об авторе:

КАЛЮГА Марика Ашотовна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка, университет Маккуори, Сидней, Австралия, e-mail: mari-ka.kalyuga@mq.edu.au